

Г.Г. ЛИТАВРИН

УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ ДРЕВНИХ РУСОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В X в. И ИХ ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС

Представляется целесообразным, уточнив заглавие статьи*, рассмотреть сначала конкретные, реальные условия проживания и деятельности древних русов в Константинополе и перейти затем к невятно выраженным в договорах X в. правовым нормам, по-прежнему и в современной историографии получающим самые противоречивые оценки¹.

Прежде всего — о месте и условиях расквартирования русских послов и купцов в столице империи. Если верить договору 907 г.², уже тогда местом пребывания русов был определен византийским правительством квартал св. Маманта ("Приходяще Русь да витають у святого Мамы"³). Оговоримся, однако, что вопрос о размещении посольств, прибывающих в Константинополь по срочной государственной надобности, независимо от сезонных торговых караванов (о таких посольствах упоминается в 8-ой статье договора 911 г.⁴), нельзя решать однозначно. Послы имели гораздо более высокий официальный статус, чем купцы. Данные об этом бесспорны: именно послы по договору 944 г. представляли власти Руси, именно их имена названы ранее имен купцов (в договорах 907 и 911 гг. имена купцов вообще не приводятся); до введения князем Киевом "верительных грамот", с которыми послы и купцы являлись в Константинополь, первые предъявляли властям империи золотые печати, а вторые — серебряные⁵; на втором приеме княгини Ольги императором ее послы получили подарки, превосходившие вдвое дарованное купцам⁶. "Слебное" ("слюбное"?) — довольствие для послов, выдаваемое им в империи, отличается в договорах даже терминологически от "месячины" для купцов. Более высокий ранг послов учитывался, конечно, и при их размещении. Лиутпранд Кремонский, посетивший в качестве посла столицу империи в 949 и 968 гг., жаловался, что во второй раз ему, вопреки всем ожиданиям, отвели в качестве рези-

* Начало статьи см.: *Литаврин Г.Г.* О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии: (Предварительные замечания) // *ВО*. М., 1991. С. 60–82.

¹ Обзор литературы о русско-византийских договорах X в., в том числе — о соотношении договора 907 г. с договорами 911 и 944 гг. см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980; *Кашинов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.

² Мы разделяем мнение значительного числа историков, признающих и автентичность и практическую значимость договоров 907, 911, 944 и 971 гг. Заново эта проблема изучена в новом их издании, подготовленном Институтом Российской истории РАН. В Греции подготовлено исследование о языке договоров с рядом новых чтений и толкований (*Malingoudis J.* Zur typologischen Struktur der byzantinisch-russischen Vorträge des 10. Jh. // XVIII Международный конгресс византистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 717–718).

³ Памятники права Киевского государства / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 64–65.

⁴ Памятники права... С. 8.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ *Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantinae libri duo.* Bonnae, 1829. Bd. I. P. 598. 10–12.

денции неудобный, лишенный воды и холодный дом, вдали от императорского двора, куда на встречи и приемы ему к тому же приходилось ходить пешком⁷.

Возможно, и послы Руси, приезжая не в компании купцов, проживали не всегда в квартале св. Маманта. Но вряд ли можно сомневаться в том, что, прибывая с купеческими караванами с целью обеспечения прежде всего торговых интересов Руси, послы размещались там же, где и купцы, хотя, вероятно, в более комфортных условиях. Тот факт, что о пригороде св. Маманта не упомянуто в договоре 911 г., не дает, на наш взгляд, права для заключения, что некоторое время между 911 и 944 гг. русы квартировали где-то в другом месте. Договором 944 г. резиденция прибывавших с торговыми флотилиями послов и купцов не "возвращалась" в квартал св. Маманта, а утверждалась как единственная, чтобы русы впредь не нарушали этого правила и не пытались (а случаи, повлекшие неприятные инциденты, без сомнения, бывали) проживать в иных местах или "зимовати у святого Мамы"⁸).

Квартал св. Маманта – предместье вне стен столицы, расположенное примерно в двух километрах от ближайшего участка северных стен Константинополя, на европейском берегу Босфора (Стена), близ выхода из пролива в Мраморное море⁹. Пригород получил свое название по имени монастыря, основанного в этом месте в честь великомученика Маманта. Монастырь уже существовал, когда после пожара 469 г. Лев I (457–474) воздвиг здесь всего за полгода роскошную загородную резиденцию – дворец с ипподромом, портиками и оборудованной гаванью; дворец стал местом празднеств и развлечений василевсов; разграбленный и сожженный по приказу болгарского хана Крума в 813 г., дворец был еще более пышно отстроен Михаилом III (842–867), который превратил его в свою почти постоянную резиденцию; здесь он был и убит в результате заговора Василия I Македонянина¹⁰.

Пригород вокруг этого монастыря и царского дворца и оказался местом расквартирования русов. Характерная деталь: видимо, хорошо изучив здесь побережье, порт и ложию пролива, русы тяготели к этому месту даже во время конфликтов с империей – именно здесь, против высокого берега у квартала св. Маманта, они ставили в боевой порядок свои ладьи, принимая бой с византийским флотом и в 941 и в 1043 г.¹¹

⁷ *Liutprand von Cremona. Die Werke* / Hrsg. J. Becker. Leipzig, 1915. S. 206.

⁸ Памятники права... С. 32.

⁹ Дискутируя о местоположении монастыря, исследователи указывали еще на две обители в честь того же святого (у Влахерн и у Золотых Ворот), но спор был убедительно решен Ж. Паргуаром. См.: *Pargoire J. St. Mamas, le quartier russe de Constantinople* // EO. 1968. Vol. XI. P. 203–210; *Janin R. Constantinople byzantine*. P., 1950. P. 140, 189, 234, 431–432.

¹⁰ *Josephus Genesii Regum libri quattuor* Rec. A. Lesmueller–Werner et I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1978. P. 72. 46–51; *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* Ed. I. Thurn. N. Y., 1973. P. 107. 44–108; 114. 50–51; 131. 11–12.

¹¹ Локализация этих сражений – предмет дискуссии. Известно, что флот Игоря построился у Фароса (маяка). Однако надо определить – о каком Фаросе идет речь. Источники чаще всего говорят о Фаросе в Вуколеоне, входящем в комплекс Большого императорского дворца. Этот Фарос стоял в самом городе, на террасе близ царской гавани, на южной стороне Константинополя, а не на Босфоре или Золотом Роге. Огонь на этом маяке был сигнальным – он зажигался, когда арабы вторгались в южные пределы малоазийских владений империи: Фарос был конечным пунктом в цепи сигнальных маяков, последовательно передающих весть о набеге врага от окрестностей Тарса до столицы (см. об этом: *Theophanus Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*, Воннае, 1838. P. 197–198; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей Изд. подгот. Я.Н. Любарский. СПб., 1991. С. 85, 295; *Io. Scyl.* P. 229. 93–94). Описание сражений не оставляет, однако, сомнений в том, что они происходили не в виду царского дворца, а вдали от него. Тот же продолжатель Феофана пишет, что сражение 941 г. имело место близ другого Фароса (подлинно маяка, "указывающего дорогу плывущим ночью", "у входа в Понт Евксинский", "на Иероне"; после проигранной битвы часть русов разорила "побережье Стена" (Босфора) и сожгла много церквей (*Theoph. Coni. P. 196*). Согласно Скилице, эта битва произошла "в Иероне", "у Фароса и близлежащего берега" (*Io. Scyl.* P. 229. 93–94). Рассмотрев споры в литературе и сопоставив выводы ученых с приведенными данными источников, А. Поппе не скрывает своих колебаний, но склоняется к мысли, что этот маяк следует локализовать у входа в Босфор из Мраморного моря (*Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa,*

Согласно "Книге епарха", иногородние купцы – подданные империи обосновывались в столице во время торгового обмена в ксенодохиях или снимаемых за плату помещениях в частных домах. Что же касается иностранцев, то их размещали только в специально предназначенных для них гостиничных комплексах – подворьях (митатах, занимавших целые кварталы), в которых имелись не только спальни и трапезные, но и все другие бытовые службы, а также склады для товаров и конюшни для верховых, тяглых и вьючных животных¹². Такой порядок приема иноземцев в столице империи удовлетворял прежде всего одну из главных забот властей в отношении чужестранцев – обеспечивался постоянный (с экономной затратой сил) надзор за ними, о котором недвусмысленно говорится и в "Книге епарха" и в русско-византийских договорах. Размещение посла вне митата влекло дополнительные хлопоты: к дверям резиденции Лиутпранда были поставлены во весь срок его пребывания 4 вооруженных стража, мешавших его общению с жителями города¹³.

Следовательно и для русов помещения в пригороде св. Маманта должны были удовлетворять двум главным условиям: во-первых, быть достаточно большими для одновременного расквартирования нескольких сот человек¹⁴ и, во-вторых, располагать всеми необходимыми бытовыми службами для автономного проживания массы людей, элементарными удобствами которых никак нельзя было пренебречь, так как ежедневный выход множества вооруженного народа за пределы предместья, попытки самообслуживания (прежде всего поиск продовольствия и индивидуальное приготовление пищи) грозили бы опасностью беспорядков и конфликтов и с официальной властью, и с местными жителями.

В "Книге епарха" сказано, что иностранцы в Константинополе платили не только за гостиницу, но и "за проживание" (*τὰ ἐνοίκια καὶ μούρη*)¹⁵, т.е., как мы это понимаем, "за размещение и за пищу", которую они принимали в трапезной своей гостиницы.

1968.Р. 122. Not. 164). Мы решительно поддержали мнение, что речь должна идти о южном горле Босфора (Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. – Исследования по истории славянских и балканских народов эпохи средневековья. Киевская Русь и ее соседи. М., 1972. С. 203–204). Но в таком случае это место как раз и находится в том районе Босфора, где располагался квартал св. Маманта. Неясность остается, однако, относительно того, на каком берегу стоял маяк. Мы предпочитаем европейский по нескольким причинам: сохранившиеся известия о средневековых маяках на Босфоре "помещают" их именно на европейском берегу (*Majeska J. Russian Travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth Centuries. Wash. (D.C.), 1984. P. 90, 245–246*); целесообразнее для сооружения маяка был именно европейский, более высокий берег, именно здесь находилась и удобная бухта, обозначаемая и ныне на картах как стоянка судов; в 1043 г. русы проникли "уже внутрь Пропонтиды", они ждали битвы снова "у устья Понта", "у Фароса", во время сражения с ними разразилась буря и восточный ветер выбрасывал ладьи русов на скалистый (европейский) берег (*Michel Psellos. Chronographie / Ed. E. Renaud. P., 1967. T. II. P. 9.1–2; 11.8–12, 18*). В.Г. Василевский, опираясь на источники, показал, что иногда в них под "Пропонтидой" подразумевается не только Мраморное море, но и Босфор или только Босфор (*Василевский В.Г. Труды, Пг., 1915. Т. III. P. CXXX–CXXXVIII*). В таком случае слова "у устья Понта" означали бы только северную часть Босфора. Однако в источниках обычно, в несравненном большинстве случаев, "Пропонтида" – именно Мраморное море, подлинное "Предпонтье". Мы уверены в том, что именно в этом смысле в приведенном выше месте употребил этот термин Михаил Пселл, имея в виду Мраморное море. Только при таком толковании понятно, что одновременно можно находиться "внутри Пропонтиды", "на Стене" и "у устья Понта". К тому же представляется абсурдным, на наш взгляд, чтобы русы, если бы они потерпели тяжкое поражение у северного входа в Босфор, тут же ринулись (прорвав блокаду имперского флота?) в пролив, чтобы с успехом разорить его берега.

¹² Византийская книга Епарха / Вступ. ст. пер., коммент. М.Я. Сюзюмова, М., 1962. С. 3, 55, 79, 157, 158, 161, 166.

¹³ *Liutpr. P. 200, 206.*

¹⁴ Мы по-прежнему считаем, что значительная (или даже большая) часть людей, обслуживавших торговую флотилию в пути, оставалась с момента прибытия и до отплытия в обратный путь в Месемврии, где, согласно Константину Багрянородному, завершалось плавание русов. См.: Литаврин Г.Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Междунар. съезд славистов, М., 1983. С. 67.

¹⁵ Книга епарха. С. 79. Так толкует это место и М.Я. Сюзюмов.

Вряд ли византийцы допускали самих русов топить и бани (столь непохожие на русские), в которых русы мылись, "елико хотяя"¹⁶.

Все необходимое для размещения сотен русов "у святого Маманта" должно было, несомненно, иметься, но не потому, что власти империи оборудовали здесь специально пристанище для русов, приезжавших ради торговых целей. Пристанище здесь было создано давно, но для иных целей. Немало помещений и бытовых заведений требовалось уже для прислуги дворца и для отряда воинов, охранявших дворец (с помощью этих стратиотов Василий I и совершил переворот)¹⁷. В середине X в. отряд "крещеных русов" охранял большой императорский дворец¹⁸. Иноземных наемников предпочитали для этой роли, а русов и варягов среди них было немало уже в первой половине столетия. Именно они могли охранять и загородный дворец василевса. Однако для размещения множества русов в квартале св. Маманта нужно было иметь не только бытовые службы, но и свободные помещения. Полностью соответствовали бы для этой цели зимние квартиры столичных тагм (они располагались в пригородах, т.е. у западной стены города и за Золотым Рогом, где и находился квартал св. Маманта¹⁹). "Казармы" обычно пустовали как раз во время мореходного сезона на Черном море: войска уходили в военный поход или стояли в летних лагерях на учениях. У нас есть все основания предполагать, что наемный отряд, состоявший из русов и варягов, квартировал зимой именно в предместье св. Маманта. Известно, что в 911 г. 700 русов участвовали в походе имперских войск на Крит²⁰. Поэтому в договоре 944 г. выразительно подчеркнута, что прибывающие для торговли русы "не имеют власти зимовати у святого Мамы"²¹ (квартиры следовало освободить для зимовки воинов). 700 воинов были необходимы для комплектования почти двух самостоятельных воинских единиц — турм (или банд)²², имевших свои фламулы (знамена) и не подлежащих расформированию на время зимовки. Не лишено значения и то обстоятельство, что довольствие воинам (опсоний, или ситиресий) выдавалось обычно помесячно, т.е. так же, как и купцам-русам, что и нашло отражение в термине "месячина" (от греч. τὰ μηνῶνα, τὰ μηνῶνα), т.е. "помесячное натуральное довольствие"²³. Иначе говоря, действия правительства в отношении к расквартированию и содержанию русских купцов были весьма целесообразны и продуманны: зимние "казармы" с налаженным бытом и снабжением попеременно занимали зимой наемные отряды из русов, а летом — русские купцы.

О численности русов, прибывавших с Руси и располагавшихся в квартале св. Маманта, можно высказать, разумеется, лишь догадки. В первой части данной статьи мы их уже сделали, полагая, что общее число русов, посещавших с торговой целью империю, за сезон могло достигать 1000–1500 человек²⁴. Но прибывали они не все сразу, и не все приезжавшие находили приют на Босфоре. По нашему мнению, в течение лета с Руси приплывали не менее двух торговых флотилий, отправлявшихся в путь в разное время. Сведения на этот счет, содержащиеся в весьма авторитетных источниках, представляют

¹⁶ Памятники права... С. 64.

¹⁷ *Io. Scyl.* P. 131,8–12.

¹⁸ *Const. Porph.* De cerim. P. 579. 20–22.

¹⁹ *Miller D.A.* Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD // BS. 1971. Vol. 32.1. P. 64, Not. 29.

²⁰ De cerim. P. 654,9–10.

²¹ Памятники права... С. 32.

²² Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1: (I–VI вв.). С. 387 (Коммент. В.В. Кучмы к "Стратегикону" Маврикия).

²³ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 240. В типике монастыря св. Маманта этим термином (μηνῶνον) обозначается также натуральное довольствие монахов, которым заведовал особый диаконит (только он получал продукты из кладовой) (Τυπικὸν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος / 'Εκτ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου // Ἑλληνικά. 1928, 1. Σ. 271,9–15.) Неясно, впрочем, почему это довольствие называлось "месячным": продукты были нужны ежедневно (обитель была общежительной). В отношении русов в св. Маманте этот термин объяснить проще — он был синонимом опсония и, видимо, продукты для размещенных здесь зимой воинов поставлялись или калькулировались помесячно.

²⁴ *Литаврин Г.Г.* Древняя Русь... С. 67; *Он же.* О юридическом статусе... С. 80–81.

ся противоречивыми только потому, что они неполны. Все зависит от их интерпретации. Приведем эти свидетельства.

Согласно договору 907 г., русские купцы, получая довольствие в соответствии с поименным списком, "возмутъ месячное свое, первое от Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля" (эта фраза почти дословно воспроизведена и в договоре 944 г.), причем "емлють месячное на 6 месяць хлеб [и] вино и мясо и рыбы и овощь"²⁵. А в "Книге эпарха", введенной в практику как раз в это время, трижды и недвусмысленно подчеркнута, что иностранные купцы не имеют права оставаться в Константинополе более трех месяцев; слушников ожидали конфискация, избиеение, позорящая стрижка волос; не проданный за это время товар мог быть насильственно подвергнут распродаже властями, а его хозяин выслан из города²⁶. По сведениям Константина Багрянородного, русы отправлялись вниз по Днепру из Киева только в июне, дождавшись подхода ладей из всех иных городов, в том числе северо-западных (из Новгорода и Смоленска). При этом через 5 порогов они проходили, облепив ладьи и сами "нагими" (*γυμνοί*) сходя в воду; осенью же, "когда наступит ноябрь", архонты "со всеми росами" уходят в "полюдь" в Славинии, где остаются до апреля²⁷; по данным того же автора, княгиня Ольга и часть ее свиты (в том числе послы и купцы) 18 октября еще находились в Константинополе²⁸. Во время же военных экспедиций против империи в 860 и 941 гг. ладьи русов в начале-середине июня уже стояли под царственным городом²⁹.

Некоторые из этих известий следует оценивать критически. Так, мы полагаем, что августейший автор абсолютизирует, говоря о едином сроке отплытия русов и о едином торговом караване за сезон. Считаем мало вероятным, чтобы киевский князь и высшая знать всего Среднего Поднепровья, имея возможность воспользоваться высокой водой, по которой легко преодолеть пороги, ожидали бы не менее полутора месяцев "северян" (в краях которых реки вскрывались на две-три недели позже и которым до Киева предстояло пройти от 800 до 1200 км³⁰). Мы полагаем, что от Киева в весенне-летний сезон отплывали две флотилии: первую снаряжали из городов Среднего Поднепровья в конце апреля — начале мая (к началу июня она достигала предместья св. Маманта). Вторая — из городов Северо-Западной Руси — прибывала в Киев к середине июня, в конце месяца отплывала из Киева и к началу августа находилась у цели.

Прямое подтверждение такой интерпретации мы усматриваем в свидетельствах договоров, что первыми получали слобное и месячину послы и гости из Киева, Чернигова и Переяславля. Конечно, это указание не на престижное первенство в "очереди" за довольствием всех русов, прибывших одновременно, а на факт прихода с первой флотилией. Такой порядок представлялся бы наиболее целесообразным не только с пригодно-климатической, но и с организационной и бытовой точек зрения (квартирование у св. Маманта), что, на наш взгляд, и зафиксировано в договорах. В конце июля — начале августа вторая флотилия как бы сменяла в предместье св. Маманта первую, отплывавшую на родину.

Однако выражение "первое от града Киева" почти буквально ("первое на Киев") приведено совсем в ином контексте в начале договора 907 г.: "И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ, и потом дати уклады на Руськны грады:

²⁵ Памятники права... С. 32, 65.

²⁶ Книга Эпарха. С. 79, 83, 89.

²⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991. С. 44–50.

²⁸ *De cerim*. P. 598. 2–3.

²⁹ К 18 июня в 860 г. (*Analecta Bruxellensia. Chroniques byzantins du manuscrit 11370 Par F. Cumont. Rec. des travaux publ. par la Faculté de Philosophie et des lettres. Bruxelles, 1894. Fasc. 9. P. 33*) и к концу мая — началу июня в 941 г. (*Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений*. М., 1956. С. 141).

³⁰ В 1389 г. Игнатий Смоленский (Смолнянин), отправившись из Москвы 13 апреля и держа путь в Царьград (он пролегал по р. Москве, Оке, далее — по суше до верховьев Дона, а затем до конца — водкою), прибыл в Константинополь в конце июня, т.е. через 2,5 месяца. См.: *Majeska J. Russian Travelers*. P. 90–91). Путь от Новгорода был не менее труден и долог.

первое на Киев, та ж на Чернигов и на Переаславль и на Ростов Полтеск [и] на Любеч³¹ и на прочая города, по тем бо городом седяху князья, под Олгом суще³². Проблема дани (как и военных статей договоров) не входит в сюжет статьи. Этим вопросом уделил особое внимание А.Н. Сахаров. Его заключение, что в первой трети X в. Византия платила дань Руси³³, представляется убедительным: Константин Багрянородный наставлял политиков-современников, что только союз с печенегами позволяет избегать уплаты денег венграм и русам в обмен за мир³⁴. А.Н. Сахаров полагает, что в процитированном тексте договора 907 г. говорится сначала о единовременной дани (контрибуции), а затем – о регулярной (ежегодной?) дани – “укладах”³⁵. По мнению И. Сорлен, “уклады” – это особые соглашения империи с каждым из городов Руси об условиях торговли с империей, включая и вопрос о размещении и о месячине³⁶. К этой точке зрения, кажется, присоединяется и Д.А. Миллер³⁷.

Мы не разделяем этих мнений. Уже Дюканж в своем словаре среднегреческого языка указал, что *μηναια* или *μηναια* (месячина) – это *menstruae distributiones*. Принял это и И.И. Срезневский в своем словаре древнерусского языка. Никаких сепаратных соглашений империи с отдельными городами Руси в X в. не существовало: в торговых сношениях с Константинополем все они, будучи “под рукою князя”, находились в равных условиях. Имена знатных персон, которых представляли послы (сопровождаящие купцов), названы в договоре 944 г. не только для фиксации прав этих персон, но и для констатации их ответственности (дополнительно к гарантиям со стороны князя Киева) за поведение подвластных им послов и купцов (они творили иногда “бещины” и “пакости” в селах империи). “Уклады” – это, по нашему убеждению, согласованные при заключении договора выдачи натурального довольствия послам и купцам Руси на время их ежегодных торговых операций в столице империи. То обстоятельство, что в договоре 907 г. о выдаче месячины сказано особо, почти в тех же выражениях, что и об “укладах” (т.е., при нашем толковании, сказано еще раз об одном и том же), можно объяснить, видимо, тем, что сначала в договоре изложен текст заявления (требования) от имени Олега (Руси). Причем в первую очередь говорится о самом главном – о дани, которая состоит из единовременной денежной суммы и из регулярных, ежегодных “укладов”. Далее (также от имени Руси) конкретизируется – из чего состоят “уклады” и на какой срок (6 месяцев) они выдаются. И, наконец, по сути дела в третий раз (теперь уже от имени византийцев), сказано о месячине почти в тех словах, в каких о ней говорится в первый раз от имени князя, где она обозначена термином “уклад”, т.е. прямо у нему приравнена.

Загадку о выдаче русам месячины на шесть месяцев можно решить, по нашему мнению, сделав два допущения. О первом (о двух, сменяющих друг друга флотилиях) мы уже сказали. Второе состоит в признании, что в общий счет шести месяцев, на которые выдается месячина, зачислялись два месяца (по одному на каждую флотилию) обратного пути русов от Константинополя до Киева: для византийской стороны было важно определить общий расход на содержание русов, а “брашно на путь”, видимо, выдавалось им по той же норме. Итак, русы первого каравана содержались в течение июня и июля и получали продукты на август (на обратный путь), русы второго кара-

³¹ Тот факт, что соседний с Черниговым Любеч отнесен в договоре ко второй группе городов, противоречит нашей гипотезе о двух флотилиях (а именно – среднеднепровской и северо-русской). Но достаточно ли этого для отказа от обоснованного нами предположения? Могли иметь значение неизвестные нам соображения киевского князя, да и Любеч мог иметь особый статус (например, его послы могли представлять великого князя и при втором караване).

³² Памятники права... С. 64.

³³ Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 108.

³⁴ Конст. Багр. Об упр. имп. С. 38.

³⁵ Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 108.

³⁶ Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1961. Vol. 2, N 3. P. 330. Not. 68; 345.

³⁷ Miller D.A. Byzantine Treaty... P. 67.

вана пользовались довольствием в империи в течение августа и сентября и снабжались ("на путь") на октябрь. Август, таким образом, становился для имперской казны месяцем двойных расходов. Установленный "Книгой эпарха" трехмесячный срок пребывания иностранцев в Константинополе и в данном случае не нарушался: напротив, русы каждой флотилии оставались в столице империи только на два месяца.

И. Сорлен пыталась решить проблему "шести месяцев" иначе: она полагает, что на 6 месяцев выдавалось только слобное, а месячина — лишь на 4 месяца: на июль, август, сентябрь и октябрь³⁸. Трудно принять такое толкование. Во-первых, по естественно-природным причинам: в таком случае новгородцы, чтобы к началу июля прибыть в Константинополь, должны были бы отправляться в путь в середине апреля, почти одновременно с ледоходом; что же касается возвращения домой, то, отправившись с чужбины в конце октября, они достигли бы родного города только в декабре, по санному пути (не говоря уже о том, что в порогах им пришлось бы бродить в глыбой, предзимней воде)³⁹. Во-вторых, крайне мало вероятно, чтобы князья и бояре северо-западных городов Руси отправились в ноябре в "полюдье", не встретив вернувшегося из империи торгового каравана, не осмотрев приобретенные для них заморские товары и не получив отчета от своих послов и купцов об их торговых операциях.

Говоря о примерной численности русов, одновременно останавливающихся в квартале св. Маманта, мы исходим из нашей гипотезы о двух флотилиях. По договору 944 г. в течение дня внутрь стен Константинополя одновременно впускалась группа, не превышавшая 50 человек. Следовательно, всего в гостинице на Босфоре находилось по крайней мере четыре группы (около 200 человек), ожидавших своей очереди для посещения рынка. Не менее 200 человек находилось в столице империи и с княгиней Ольгой (только побывавших с нею на приемах у императора было 149 человек)⁴⁰. Договор 907 г. определял, что приходящие "бес купши" не имеют права на месячину, а значит, как мы думаем, и на бесплатный кров и вообще на постоя в квартале св. Маманта. Право на это получали только те, кто имел "удостоверения" (печати, а затем грамоты), полученные от князя в знак того, что они находятся под его покровительством и законно пользуются предоставляемыми по договорам льготами. Практика показала, что регламентация торговли русов в империи в соответствии с договором 911 г. не избавляет от инцидентов: необходимо было ужесточение контроля и со стороны князя и со стороны властей Византии, что и было с обоюдного согласия зафиксировано договором 944 г. Империя опасалась при этом не столько избыточного количества русских торговых судов и слишком большого числа послов и купцов (примерные возможности Руси на этот счет Константинополю, видимо, были известны), сколько появления у берегов империи "под прикрытием" регулярных русских караванов неучтенных, "диких" ладей с искателями славы и добычи, за которых правительство Руси не могло нести ответственности. И по договору 944 г. князь Киева и князь иных центров имели право отправлять в Византию корабли, "елико хотять", но с указанием в грамотах их точного числа в знак того, "оже с миром приходить", и с поименным перечнем всех послов и купцов (явившиеся без грамот подлежали аресту, сопротивляющиеся могли быть убиты, бежавшие на Русь — по уведомлению из Византии подлежали суду князя Киева⁴¹).

³⁸ Sorlin I. Les traités... // Cahiers... Vol. 2, N 3. P. 350; 1961. Vol. 2, N 4. P. 458.

³⁹ Задержка Ольги в Константинополе до 2-й половины октября не может служить ориентиром — это был исключительный случай. Плавание в октябре по Черному морю не представляет особых трудностей для малых судов (чего нельзя сказать о ноябре) (см.: Черное море: Сб. ст. Варна, 1978. С. 65), но главные тяготы поздней осенью ожидали караван не в море, а в днепровских порогах. В 1389 г. митрополит Киприан, отправившись из Константинополя 1 октября, не пошел днепровским путем: он поднялся по Днестру до районаг. Сороки, откуда по суше направился в Киев (*Majeska J. Russian Travelers...* P. 90—91).

⁴⁰ Литаурин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора. — Визант. очерки. М., 1982. С. 72—74, 89.

⁴¹ Памятники права... С. 31.

Нет никаких сомнений в том, что право на размещение и довольствие имели не только перечисленные в грамотах и внесенные (также поименно) в свой реестр имперским чиновником послы и купцы, но и сопровождавшие их лица. Согласно протоколу второго приема Ольги, вместе с 22-мя послами русов во дворце находились и их "шесть людей"⁴² (ранг этих шести послов был, как кажется, в чем-то выше, чем у других 16-ти). По "Тактикону Филофея", в конце IX в. 30 болгарских послов могли взять с собой на прием не более "18 своих людей"⁴³. Лиутпранд негодовал, что ему не позволили привести с собой на прием у императора ни одного из своих 25 спутников⁴⁴. Конечно, свита каждого из русских послов, сопровождавших торговые флотилии, была намного скромнее (да и местá в загруженных товарами ладьях были "на вес золота"). Но и посол русов (персона, несомненно, видная на родине) не мог не иметь с собой по крайней мере трех помощников и слуг, помогавших в быту, в наблюдении за подвластными ему купцами и в торговле собственными товаром посла (послы также не упускали свой интерес, посещая мировое торжище: в частности, не гнушался торговать и аббат Клермонского монастыря Лиутпранд⁴⁵).

Безусловно, трех-четырёх помощников (слуг или челядинцев) должен был иметь и каждый из купцов (товары нужно было не раз перегружать, переносить и охранять: сами греки при торговле дорогим товаром имели при себе ститоров-охранников⁴⁶). В 1043 г. драка русов с греками на константинопольском рынке стала поводом к межгосударственному конфликту⁴⁷. Все эти люди (и послов и купцов) в любой момент должны были быть в распоряжении их господ: раздельный в пространстве и времени прием ими пищи мог помешать делу и нарушить порядок. Мы считаем, что соглашение с греками предусматривало, может быть, с точно оговоренными деталями одновременное и бесплатное размещение и питание в квартале св. Маманта и всей этой прислуги послов и купцов, хотя и спальни и стол господ были лучше, чем у слуг (известно, что и в византийской армии командный состав, даже во время походов, питался отдельно от рядовых воинов, что, вне сомнения, было отлично известно и привычно и распорядителям и обслуге в "зимних квартирах" у св. Маманта). Общее число русов, имевших право на кров и пищу у св. Маманта, возможно, было разным в разные сезоны – в зависимости от ситуации, складывавшейся на Руси. В какой-то мере об ориентировочных цифрах можно судить по числу послов, отправлявшихся с караванами в империю. К 40-м годам X в. установился, по всей вероятности, порядок, согласно которому число купцов непосредственно зависело от числа послов. В договоре 911 г. этой зависимости еще нет: названы лишь 14 послов⁴⁸, в договоре 944 г. на 25 послов поименованы 30 купцов, а с Ольгой в Константинополь прибыли 22 посла и 44 купца (ровно вдвое больше). Если действительно на каждого посла приходилось по два купца, можно было бы думать, что каждая группа из трех поименно названных персон (посол и два купца) была подотчетна одному князю или боярину, продавала в основном его товар и закупала другие, выполняя наказ господина. Учитывая тот факт, что 3–4 посла представляли интересы князя Киева и членов его семьи, следует допустить, что в целом на Руси к середине X в. существовало около 20 городов⁴⁹. Неизвестно, однако, сколько ладей было у каждого посла. Есть некоторые

⁴² *Const. Porph. De cerim.* P. 598.1–2.

⁴³ *Oikonomidès N. Les listes de présence byzantines des IXe et Xe siècles.* P., 1972. P. 203.10–15.

⁴⁴ *Liutpr.* P. 181.

⁴⁵ *Ibid.* P. 204.

⁴⁶ Книга Эпарха. С. 76.

⁴⁷ *Io. Scyl.* P. 430. 35–43.

⁴⁸ Договор не сохранился полностью: от самой важной для нас в данном случае 13-й статьи "О купле" остался лишь заголовок.

⁴⁹ Столько примерно городов и зафиксировано на Руси в X в. по данным археологии и летописным известиям. См.: Древняя Русь, Город, замок, село. М., 1985. С. 32–33, карта; Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов. X–XIII вв. Русский город. М., 1986. С. 21–22.

основания допускать, что "господским" был не весь товар, продававшийся купцами на Босфоре, - часть товара принадлежала самим купцам или их состоятельным согражданам, поручения которых они выполняли:⁵⁰ в статье 14 договора 911 г. говорится о должниках (скорее всего купцах), оказывавшихся несостоятельными и избегавших возвращения на Русь, на глаза своим кредиторам⁵¹.

Таким образом, численность послов и купцов, посещавших Константинополь за лето, вместе с их прислугой, минимальным числом опытных мореходов⁵² и рядовых гребцов, допускавшихся в предместье св. Маманта, и с привезенными для продажи рабами (составлявшими одну из главных статей торговли русов), вряд ли была меньше, чем 400–500 человек. Следует учесть также, что в том же квартале размещались скорее всего не только зимой, но и весной и летом десятки (если не сотни) отслуживших договорные сроки своей службы наемников (русов и варягов) и раненых и увечных, ожидавших прихода каравана, чтобы вернуться с ним на родину; сюда же прибывали с Руси, нередко крупными соединениями, воины, решившиеся служить в византийской армии. Конечно, империя имела определенные обязательства перед уволившимися воинами, пока они не покинули ее землю; не мог император сеять недовольство и среди тех, кто прибыл ему служить. Т.е. численность одновременно квартировавшихся и пользовавшихся бесплатным довольствием у св. Маманта следовало бы увеличить еще по крайней мере на 300–400 человек. Сознвая всю гипотетичность этих расчетов, мы полагаем все-таки, что с каждой из двух флотилий в митат (или в казармы?) св. Маманта одновременно прибывало около полутысячи человек.

Попробуем, однако, опять-таки хотя бы приблизительно, определить размер месячины — этой своеобразной ежегодной дани в пользу Руси ("укладов"). Что касается слобного, то обычно для эпизодических посольств оно исчислялось особо. Содержание послов на казенный счет было издревле установившейся практикой в империи⁵³. Политические расчеты при этом решительно преобладали над какими бы то ни было соображениями экономии. Имперское правительство нередко само надолго удерживало послов против их воли. Как ни просился Лиутпранд домой, Никифор II задержал его на двое более долгий срок сравнительно с намечавшимся⁵⁴. Нарушил этот император и другую традицию — содержать послов бесплатно: Лиутпранд был возмущен, что греки не соблюдают "принципа" — они не выплачивают "стипендию" (*stipendium*), и в результате он не только кормит себя и 25 своих спутников, но содержит еще четырех византийских стражников, так что на день не хватает трех номисм на закупки продуктов на рынке⁵⁵. Но послы русов, прибывавшие с торговыми караванами, могли и не подходить под статус послов, присылаемых ради межгосударственных переговоров: их было слишком много и приезжали они ежегодно по делам, связанным, как правило, прежде всего с торговлей и наймом соотечественников на военную службу. Слобное для русов становилось, таким образом, заметной ежегодной статьей расходов казны и в данном случае могло исчисляться вместе с месячиной для купцов. Хотя официально оно (об этом достаточно четко заявлено в договоре 907 г., как справед-

⁵⁰ Норманнская высшая знать поручала отбывавшим в дальние края купить им торжественные одеяния, меха и дорогую посуду, т.е. "те ценные вещи, которые трудно достать там в стране" (т.е. в Норвегии). См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 165–167.

⁵¹ Памятники права... С. 9.

⁵² У каждого судна, отправлявшегося в море, имелся свой кормчий, ответственный за благополучное плавание. См.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 131.

⁵³ Бесплатно содержали и персидских послов, заключавших в 562 г. договор с империей. См.: *Miller D.A.* Byzantine Treaties... P. 59; *Сахаров А.Н.* Дипломатия... С. 111, 168.

⁵⁴ *Liutpr.* P. 192 sq., 199 sq.

⁵⁵ *Ibid.* P. 193, 200. Лиутпранд пишет, что его повара при этом безбожно обсчитывали на рынке: сумма действительно необычайно высокая — более чем 28 фоллов в день на человека (в номисме 288 фоллов, или 12 милиарисиев). Впрочем, столицу в то время поразил голод.

ливо отметила И. Сорлен) отличалось от месячины ("Русь слобное емлють, елико хотячи, а иже приходячи гости да емлють месячное..."⁵⁶).

Мы уверены в том, что во время проживания у св. Маманта русы получали довольствие не деньгами, а натурой (хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи), но и продукты выдавались им не на руки, а в виде регулярной готовой пищи в трапезных св. Маманта. Именно такой порядок существовал даже в оплачиваемых постояльцами-иностранцами гостиницах Константинополя. Тем более это вероятно в митате для русов: они располагались, как мы считаем, в зимних квартирах для войска, где был налажен механизм питания большого числа людей, к тому же это была чужестранная публика, часто по несколько дней подряд праздная и мало склонная соблюдать непривычные порядки, а поэтому нуждавшаяся в мощном дисциплинирующем факторе, каким и являлась ежедневная зависимость от общего дарового котла. Наконец, выплата "укладов" в такой форме обходилась казне намного дешевле. Дело в том, что продукты поставлялись не с рынка, а из государственных складов и хранилищ и из пригородных казенных имений. Значительная часть государственных налогов с крестьян взималась тогда натурой (в частности зерном и вином), а для нашего случая немаловажно также учесть, что не только центральные правительственные и благотворительные учреждения, но и "великая этерия" (т.е. воинское соединение наемников) владели в то время лежащими и близко и далеко от столицы собственными сельскохозяйственными имениями, откуда для их хозяев регулярно поступали продукты⁵⁷.

Дневной рацион византийца для этой эпохи, как и примерная стоимость дневного содержания, в целом известны. Однако сведения на этот счет чрезвычайно противоречивы. Не только в кругу византийской бюрократии, но и в обыденном сознании, приученном к чиновничеству, существовала убежденность, что потребности человека — даже в еде — находятся в прямой зависимости от его официального статуса в обществе (немощному старцу-игумну полагалось в полтора раза больше продуктов, чем его молодому слуге⁵⁸). Принцип этот соблюдался и при раздаче подарков императора после приемов во дворце: послам-русам по 12 милиарисиев, а их людям — в 4 раза меньше⁵⁹. Нищий поденщик, абсолютно все покупающий на рынке для пропитания, тратил 10 фоллов в день⁶⁰. Святослав по договору с Иоанном I Цимисхием получил, покидая Болгарию, по 2 медимна (около 20 кг) зерна на война примерно на 2 недели⁶¹. Исследователи определяют прожиточный минимум в Византии в X в. в денежном выражении в 5–7 номисм в год⁶² (если принять за среднее 6 номисм, то это составит ок. 5 фоллов на день). Для наших целей особенно важно, что сам Константин Багрянородный, подписавший договор 944 г., заявлял в своей новелле, что экипировка и содержание война в течение года обходится в 18 номисм⁶³. Основные затраты на экипировку — покупка боевого коня (около 12 номисм)⁶⁴. Поскольку остальное (копье, меч, щит) составляли наследственный реквизит фемного война (а речь в новелле идет именно о нем), то его содержание в течение года оценивалось, видимо, в 6 номисм.

Ориентируясь на эту, безусловно, минимальную сумму (полномисмы, т.е. 144 фолла в месяц на человека⁶⁵), мы должны, по-видимому, определить общую стоимость "укладов" на 500 человек на три месяца (включая "брашно" на обратный путь) для первой флотилии в 750 номисм, а вместе — для двух караванов — в 1500 номисм, или

⁵⁶ Памятники права... С. 64.

⁵⁷ Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 47.

⁵⁸ Там же. С. 235.

⁵⁹ *Const. Parph.* De serim, P. 597.14–15.

⁶⁰ Книга Эпарха. С. 163.

⁶¹ *Leonis Diaconi Caloënsis Libri decem*, Bonnæ, 1928, P. 156.10–11.

⁶² Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 236.

⁶³ *Jus Graeco-Romanum* / Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Bd. 3. P. 266.

⁶⁴ Книга Эпарха. С. 256.

⁶⁵ Упомянутый выше поденщик тратил в месяц 300 фоллов, а Лиутпранд расходовал бы на тот же срок на одного человека более 840 фоллов (см. примеч. 55).

около 21 литры (фунта) золота. В.Т. Пашуто высказал предположение, что подарки (в серебряной монете — милиарисиях), полученные Ольгой и членами ее свиты в ходе двух приемов у императора, и представляют собой слобное и месячину⁶⁶. О неприемлемости этого мнения, помимо прочего⁶⁷, наглядно свидетельствует уже сама (весьма незначительная) общая сумма упомянутых даров — 240 номисм (в 6 раз меньше полученной нами суммы, в которую не включена еще стоимость якорей, парусов, веревок и прочих снастей, которые греки обязались предоставлять русам бесплатно по мере надобности перед их отплытием).

Говоря об условиях размещения и питания русов, нельзя обойти полным молчанием вопрос о стоянке ладей. Если наше предположение о двух флотилиях правдоподобно, то в путь одновременно отправлялось до 50–60 ладей под присмотром примерно 10–12 послов и 20–22 купцов. Часть ладей, освобожденных от груза, вместе с "излишними" для дела в столице гребцами и воинами охраны, оставалась в Месимври. Остальные (половина или несколько меньше) бросали якорь в бухте св. Маманта. Гавань св. Маманта достаточно глубокая, но открыта восточным и юго-восточным ветрам. Имела ли она мол в то время, неизвестно, хотя, как упоминалось выше, была благоустроенной уже в V в. Берег гавани высокий, и товар вряд ли оставляли в ладьях — его перегружали в склады при митате, откуда он партиями постепенно доставлялся на рынок (в той его части, которая не была закуплена оптом византийскими перекупщиками). Все окружающее столицу побережье было поделено на "эпохи" — рыбацкие участки и стоянки, имевшие своих хозяев. Гавань св. Маманта была, несомненно, императорской (казенной), и русы, как и за постою, ничего не платили за стоянку ладей. Попеременно, в дни рынка, 5–7 ладей одновременно перевозили товар, купцов и послов и одним из ближайших ворот города (такими воротами были ворота св. Варвары, Пеория и Друнгария). Не используемые ежедневно для дела ладьи, видимо, постепенно приводились в порядок в предвидении обратного плавания⁶⁸.

Оставляя на будущее другие сюжеты, остановимся в заключение на одном предположении, касающемся различия в названии места расквартирования русов в византийских источниках и в летописях (точнее — в сохранных ими текстах русско-византийских договоров). Осмелимся предположить, что та форма, в которой наименование квартала св. Маманта сохранилось в договорах, является не передачей собственно греческого имени, а его переосмыслением на русском, причем — с явно эмоциональным оттенком⁶⁸.

Действительно: имя *Μάμας* (Мамас), в честь которого был назван монастырь, а затем квартал, почти не встречается в именительном падеже при указании на это предместье. Как определение к слову *μονή* (*μοναστήριον*) (монастырь) оно употребляется в греческих источниках обычно в родит. пад. (*Μάμαντος*), а также — с предлогами — в дательном (*Μάμαντι*) и винительном (*Μάμαντα*). Соответственно в косвенных падежах оно

⁶⁶ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 67.

⁶⁷ Подробную аргументацию см.: Литаврин Г.Г. Состав посольства... С. 89–92.

⁶⁸ Это было бы тем интереснее, чем вернее оказалась бы завоевывающая себя все больше сторонников точка зрения, согласно которой либо перевод на старославянский был сделан одновременно или почти одновременно с заключением договоров, либо тогда же была даже составлена самостоятельная старославянская (древнерусская) версия, сверенная с греческой (см. обзор: Сергеев Ф.П. Из истории изучения договоров русских с греками X в. // Старобългаристика. 1985. Т. IX, 2. С. 112–116). Как известно, существование на Руси деловой славянской письменности еще до принятия христианства отстаивал Н. Лавровский. См.: Лавровский Н. Византийские элементы в лексике договоров русских с греками. СПб., 1903. С. 17–18. Считал этот вывод доказанным и А.А. Зимин. См.: Зимин А.А. Памятники права... С. 23. Мысль об одновременном с заключением переводом договоров на старославянский поддержала И. Сорлен. См.: Sorlin I. Les traités... P. 376. Д.И. Миллер полагает, что по крайней мере ко времени заключения договора 944 г. в Киеве существовала княжеская канцелярия. См.: Miller D.A. Byzantine Treaties, 67–68. Ср.: Литаврин Г.Г. Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь // Хиляди и сто години от смъртта на Методий: Кирило-Методиевски студии. С., 1987. Кн. 4. С. 393–403. См. также: Malingoudis J. Zur typologischen Struktur... S. 717.

звучало: "Мамантос" (или "Мамандос"), "Маманти" ("Маманди") и "Маманта" ("Маманда"), мало напоминающая переданную договорами форму "Мама", которая к тому же и склоняется там как имя нарицательное (в договоре 907 г.: "Приходяще Русь да витають у святого Мамы", в договоре 944 г.: "и приходящим им да витають у святого Мамы", "да не имеют власти зимовати у святого Мамы")⁶⁹.

Предположению о сознательном переосмыслении имени не мешает тот факт, что в договорах неизменно во всех трех случаях стоит определение в мужском роде — "святого". Во-первых, это результат сверки официального документа с греческой версией (где, несомненно, стояло в муж. р. Ἀγίου); во-вторых, (и это главное), в просторечье не только язычники-русы не воспроизводили определение "святой", но и сами греки: *κατὰ τὸν λεγόμενον Μάμαντα* ("в так называемом Маманте"), сказано у Иоанна Скилицы⁷⁰, т.е. "у Маманта", "у Мамы"...

Вдали от родины, в чужой, заморской стране, плохо зная ее порядки и нравы ее жителей, не понимая или едва разбирая греческую речь, испытывая постоянный неотступный надзор полицейских агентов эпарха, не имея права брать с собой привычное средство самозащиты (оружие) при посещении Константинополя, русы в самом деле чувствовали себя в безопасности, почти как дома, только "у Мамы". Только здесь, вплоть до дня отплытия, они вращались в среде соотечественников, слышали родную речь, имели даровые кров и пищу, мылись в банях, "елико хотять", советовались с бывальными людьми — ветеранами, отслужившими договорный срок в армии императора и ожидавшими, также "у Мамы", отправления каравана, чтобы вместе с ним вернуться на родину...

⁶⁹ Судя по старославянским переводам иных текстов, имя св. Маманта передавали по-разному, но явно стремились воспроизвести греческое звучание. См.: Мижовић П. Менолог. Историско-уметничка истраживања. Београд, 1973. С. 349 (Мантъ); С. 361 (Мамант); С. 276 (Маманъгъ), и лишь на С. 316 (Мама (съ)). В Южной Македонии в XIV в. существовало "село святого Маманта" (τὸ χωριὸν τοῦ ἁγίου Μاماῖος), принадлежавшее Ватопедскому монастырю (Goudas M. Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἀθῶν μονῆς τοῦ Βατοπεδίου // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1927, Т. IV. Σ. 223 (№ 10), 235 (№ 14). Любопытно, что Я.Н. Любарский в своем переводе Продолжателя Феофана предпочел "летописное" "Мама" (Продолжатель Феофана... С. 85, 9Р, 103, 104, 295). При ссылке на договор 907 г. (о месте пребывания русов в Константинополе) отсутствует от греческой грамматики и И. Караяннопулос: *κοινὰ στὸν Ἁγ. Μάμα (Καραγιαννόπουλος Ἰ. Οἱ Βυζαντινοβουλγαρικὲς συνκρούσεις ἐπὶ Συμεῶν // Βυζαντιακὰ. 1991. Т. 11. Σ. 36).*

⁷⁰ *Io. Scyl. P. 108. 73.*